

Эволюция социальной организации

(«Экология и жизнь», 2008, №5 (78), с.4-11)

Подобно особям всех тех видов животных, которым в большей или меньшей степени свойствен групповой образ жизни, человеческий индивид уже в момент рождения оказывается членом некоего социума, организованного в соответствии с определенными правилами общежития. Сильно упрощая картину, можно сказать, что у животных эти правила диктуются по преимуществу эволюционно выработанными программами внутривидового общения, у человека — специфическими для данного этноса культурными традициями. Тот социальный организм, в ткань существования которого вплетена жизнь каждого из нас от рождения и до смертного часа, мы привыкли называть обществом. Будучи в этом значении кирпичиком нашего повседневного языка, слово «общество» в науках о человеке выступает в качестве специального термина, становясь одним из основополагающих понятий философии и социологии.

Ниже термином «общество» мы обозначаем некий тип социальной организации, который сложился на почве определенной культуры и, однажды сформировавшись, сам поддерживает существование последней и ее развитие.

Бесспорно, что способ социальной организации, практикуемый в том или ином человеческом обществе, в огромной степени определен экологическими условиями конкретной природной среды, которую людям приходится осваивать в своих жизненных интересах. Однако тот факт, что в одних и тех же природных условиях могут существовать общества с принципиально разным социальным устройством, указывает на громадную роль традиций, т. е. духовного начала, в качестве причин своеобразия данной системы социальных отношений. Поскольку мир традиций каждого этноса неповторим, ибо формирование его в истории народа в принципе неподвластно закономерностям логики, было бы по меньшей мере наивным само предположение о возможности существования некоего универсального типа человеческого общества. Все, что известно сейчас об истории человеческих взаимоотношений на нашей планете, свидетельствует о поразительной неравномерности эволюции человеческих обществ — происходило ли дело в Евразии, в Новом Свете или на Африканском

континенте.

Разнообразие обществ и их классификация

При всем колоссальном разнообразии этнических культур и соответствующих им способов социальной организации многие варианты общественного устройства различаются лишь в частных деталях, что позволяет объединять принципиально сходные варианты социальных структур в некие сборные группы (или классы) и уже эти последние сравнивать между собой. Подобная процедура классификации обществ — дело далеко не простое, так что неудивительно, что разные исследователи зачастую руководствуются в этой работе разными принципами и подходами.

Наиболее распространен принцип классификации, где в ее основу кладут такое свойство общества, как степень развития власти одних его членов над другими. При таком подходе на одном полюсе сосредоточиваются общества, в которых властные структуры и функции сведены до минимума или вообще отсутствуют. Это так называемые анархические, или эгалитарные общества (от французского слова «*égalité*» — «равенство»). На другом полюсе мы обнаруживаем всевозможные варианты тоталитарных обществ с деспотической системой управления авторитарной личности (диктатора) и бюрократического меньшинства над основной массой населения. В последнем случае перед нами доведенный до логического конца принцип государственного устройства как аппарата насилия правящей верхушки над ущемленным в своих правах большинством. Между этими двумя полюсами располагаются всевозможные варианты обществ догосударственного типа с незрелыми механизмами централизованной власти и умеренно выраженным социальным неравенством, а также государства, основанные на принципах демократии и парламентаризма.

Другой способ классификации обществ подчеркивает различия в их основных структурных особенностях. При таком подходе можно выделить три типа обществ: сегментарные, стратификационные и синтетические. Что это такое? Сегментарное общество по своему строению может быть уподоблено так называемым модулярным организмам, которые построены как бы на многократном «повторении» подобных друг другу частей (модулей), выполняющих аналогичные жизненные функции.

Типичный пример общества этого типа дает социальная организация южноамериканских индейцев намбиквара, обитающих в сухой кустарниковой саванне (так называемой бруссе) юго-западной Бразилии. Эти индейцы не носят никакой одежды, если не считать тонкой нити самодельного бисера, опоясывающей талию женщин. Мужчины порой прикрывают половые органы соломенным тампоном, но не пользуются так называемым половым чехлом, который служит неременной частью мужского «гардероба» у большинства индейских этносов Бразилии, как и во многих других примитивных культурах мира. Отсутствие одежды компенсируется разнообразными бусами и браслетами (из панциря броненосца, соломы, хлопковых волокон, и т. д.), причем украшения мужчин зачастую выглядят более изысканно и празднично, нежели у представительниц прекрасного пола. В начале нашего столетия численность намбиквара составляла около 20 тыс. человек. В середине 1960-х, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, намбиквара оказались в числе вымирающих народов — наряду с полутора-двумя десятками других этносов, обитающих в зоне тропических лесов Южной Америки, Африки и Юго-Восточной Азии.

Стратификационные общества получили свое название от латинского «stratum» (буквально — «слой»). Общество этого типа проще всего представить себе в виде слоеного пирога, так что всевозможные взаимодействия между слоями (стратами) организованы скорее по горизонтали, чем по вертикали. Пожалуй, самыми своеобразными из них, где принцип «слоеного пирога» выражен наиболее ярко, оказываются общества, подразделенные на касты. Браки между мужчиной и женщиной из разных каст запрещены как традициями, так и законом, если, разумеется, в стране существует юридическое право. Они возможны только внутри данной касты, поэтому потомок той или иной супружеской пары неизбежно появится на свет, уже будучи членом касты, к которой принадлежат его родители. Прекрасным примером религии, которая породила весьма причудливую кастовую систему, ставшую основой всей социальной организации многих народов Южной Азии, может служить индуизм. В верованиях индуистов до логического конца доведено противопоставление понятий «чистота» — «нечистота», которые испокон веков были основополагающими практически

во всех архаических культурах. Мощным источником нечистоты индуисты считают всякое насилие — и не только над людьми, но также над животными, растениями и над матерью-землей. Именно поэтому люди духовного звания ни под каким видом не должны заниматься земледелием (при котором наносятся раны земле), а профессии мясника, забивающего скот, и маслобая, отнимающего жизнь у семян растений, относятся к числу «нечистых». Все это создает в среде народов, исповедующих индуизм, совершенно особую психологическую обстановку страха перед неверным шагом, грозящим соприкосновением со скверной.

Несколько слов о том, как выработанная индуизмом система стратификации функционирует в многонациональном государстве, где разные этносы резко отличаются друг от друга фундаментальными особенностями своей социальной организации и материальной культуры. Таково, в частности, королевство Непал, существующее с 1951 г. по законам конституционной монархии. С точки зрения рядового члена открытого демократического общества система каст скорее всего будет выглядеть странным и даже отталкивающим анахронизмом. Однако знаток жизни Непала французский этнограф М. Габорио придерживается иного мнения, подчеркивая ее структурно-организующую функцию. «Кастовая система, — пишет он, — благодаря иерархическому построению и разделению труда способствует интеграции многочисленных народностей Непала в единое общество и единую экономическую структуру и, несмотря на то, что она была отменена на бумаге в 1963 г., продолжает оставаться одним из важнейших факторов национальной интеграции».

Коль скоро два рассмотренных варианта классификации обществ ставят во главу угла разные критерии, эти классификации не исключают друг друга, что позволяет комбинировать предлагаемые ими категории. Так, общества сегментарного типа чаще всего оказываются одновременно и анархическими, а государственное устройство в его наиболее развитых формах свойственно синтетическим индустриальным обществам. Впрочем, комбинации признаков, предоставляемых обоими вариантами классификаций, могут быть самыми различными и подчас весьма причудливыми. Так, в королевстве Непал с централизованной государственной властью господствует кастовая система (типичный вариант

стратификационного общества), в которую вовлечены в качестве ее краевых элементов этносы охотников-собирателей, чья социальная организация сохраняет все черты анархического сегментарного общества.

Синтетическим я называю нынешнее индустриальное общество, в котором все функциональные подсистемы, выполняющие его нужды (политика, хозяйство, наука, религия, воспитание и т. д.), сливаются в единый сложнейший механизм, порабощающий по существу своей неумолимой мощью обслуживающие его человеческие массы. На наших глазах происходит и следующий шаг — слияние подобных индустриальных обществ в единое, глобальное, мировое общество, которое при соприкосновении с обществами сегментарного и стратификационного типов быстро разрушает их, походя вовлекая все новые и новые этносы в безумный бег «современного массового общества».

Индустриальное массовое общество

Поговорим о главных особенностях тех обществ, в которых живет человек нового времени и которые в своем развитии устремлены в будущее. Общества этого третьего типа можно назвать индустриальными, если рассматривать промышленность в качестве того основного способа производства материальных ценностей, которое так или иначе определяет лицо всей их экономики. Если же поставить во главу угла всю ту сумму социально-психологических феноменов, которая охватывается понятием «человеческий фактор», то эти общества нового типа точнее всего могут быть названы массовыми обществами.

Хорошо известно, что становление и дальнейшее развитие индустрии повлекло за собой во всем мире мощный поток переселения людей из сельской местности в городские промышленные центры. Этот процесс, ощутимо приблизивший крушение многочисленных сегментарных обществ, положил начало быстрому росту разнородных внутри себя скоплений людей, неподвластных каким-либо традиционным, устоявшимся правилам общежития. Вот как описывает эту ситуацию автор книги «Век толп», известный французский специалист по социальной психологии С. Московичи: «Вырванные из родных мест, из своей почвы люди, собранные в нестабильные городские конгломераты, становились массой. С переходом от традиции к модернизму на рынок выбрасывается множество анонимных

индивидов, социальных атомов, лишенных связи между собой».

Понятно, что, став экономической опорой общества, города превратились одновременно и в центры политической жизни, средоточие власти правителей и законодателей, своего рода диспетчерские пункты, держащие под неусыпным контролем все, что происходит в сельской периферии. Высокая концентрация населения в крупном городе делает его очагом всяческих инноваций. По словам французского социолога Э. Дюркгейма, именно здесь «...вырабатываются идеи, моды, нравы, новые потребности, которые затем распространяются на остальную часть страны».

Вместе с тем в городах быстрее всего разрушаются прежние устойчивые традиции, уступая место непостоянной массовой культуре, пребывающей в непрерывном бурном коловращении. Столь мощное и неоспоримое влияние городов-мегаполисов на все стороны жизни современного общества позволяет обозначить последние как урбанизированные общества.

Разумеется, города возникали там и тут на протяжении всей истории человечества. Вспомним, к примеру, Иерусалим, Трою, Афины и Рим, города-государства средневековой Италии. Городские цивилизации рождались не только в Средиземноморье — этой колыбели современной европейской культуры, но и далеко за его пределами, даже в экваториальной Африке и в Мезоамерике, где ныне древние города лежат в руинах как свидетельство инженерных талантов давно ушедших поколений. Однако города эти были смехотворно малы по сравнению с современными мегаполисами, до начала эры индустриализации неизменно оставались крохотными островками комфорта и роскоши на обширных территориях, обитатели которых добывали пропитание охотой, земледелием или скотоводством.

Сегодня даже трудно себе представить, с какой невероятной быстротой в ходе новейшей истории первоначально аграрные общества превращались и продолжают превращаться в урбанизированные. В 1900 г. в мире существовало всего лишь около 350 городов с населением свыше 100 тыс. жителей в каждом, спустя 50 лет их стало уже около 950, а еще через 33 года — почти 2,5 миллиона. За этот же период число городов с населением свыше 1 млн человек увеличилось с 10 в 1900 г. до 81 в 1950 г. и до 209 в

1983 г. Если в самом начале XX века горожане составляли немногим более 10% населения мира, то в 1950 г. их доля достигла 29%, а в 1983 г. превысила 40%. Только с 1950 по 1983 г. численность городских жителей увеличилась с 730 млн до 1895 млн, т. е. в 2,6 раза. За то же самое время сельское население мира выросло всего на 53% — с 1800 млн до 2750 млн человек, а в некоторых странах (например, в тогдашнем СССР) оно даже сократилось. В наши дни более четверти всего человечества — это жители крупных городов, население которых ежегодно увеличивается суммарно примерно на 50 млн человек.

Все эти цифры ярко иллюстрируют масштабы концентрации людей в эпоху так называемого технического прогресса, которую с точки зрения социолога вполне уместно квалифицировать как «век толп». Не будем, впрочем, забывать, что города — это еще не все общество индустриального типа. Очевидно, каждое такое общество заключено в границах определенного государства с его собственной политической системой, правовыми нормами, с уникальными для народа каждой страны особенностями нравственности, коллективизма и социальной психологии. Иными словами, хотя важнейшая черта современных индустриальных обществ - это централизованная система государственной власти, было бы неточным ставить знак равенства между понятиями «общество» и «государство», ибо второе лишь частично покрывает первое. Вероятно, чтобы избежать этого смешения понятий, классик мировой социологии Питирим Сорокин, обсуждая законы существования современных обществ, осторожно называет их «политическими сообществами», «политическими организациями» и «политическими организмами», причем использует все эти термины как синонимы. Той же терминологии в дальнейшем буду придерживаться и я.

Колоссальная численность людских масс, вовлеченных в жизнь современных политических организмов — это первое, что бросается в глаза при их сопоставлении с раздробленными сегментарными обществами или с архаическими социумами стратификационного типа. Численность населения большинства стран Европы, к примеру, колеблется в пределах от 4 млн до 50 млн человек. Разумеется, индустриальное массовое общество сохраняет в себе многие черты архаических сегментарных и стратификационных

обществ. Страны разделены на некие сегменты (округа, кантоны, области, штаты), равные в своих правах и подчиняющиеся центральной администрации. Индустриальное общество стратифицировано, как мы сможем убедиться ниже, еще в большей степени, чем кастовое, но страты здесь не отделены друг от друга непроницаемыми перегородками. Напротив, в жизни современного общества, именуемого иногда «обществом равных возможностей», огромную роль играет явление социальной мобильности: преуспевающий индивид способен быстро подняться по этажам социальной иерархии, а неудачнику грозит падение с высокой статусной позиции на самое дно.

В массовом обществе человек находится в постоянном движении — в прямом и в переносном смысле. Необходимость постоянно менять свою социальную роль и контактировать с огромным количеством социально анонимных партнеров создает обстановку непредсказуемости для индивида. А коль скоро каждый в большей или меньшей степени зависит от каждого, непредсказуемость становится фоном жизни целых корпоративных групп общества как такового. Все это заставляет признать, что общественный порядок, который представляется нам изначально данным и более чем естественным, — вещь чрезвычайно хрупкая. И если взглянуть глубже, кажущаяся гармония общества — это, по существу, игрушка в руках слепых стихийных сил, рождаемых столкновениями множества разнонаправленных личных и групповых интересов.

Именно это имеет в виду Питирим Сорокин, говоря о закономерностях изменений политической стратификации в современном обществе. Чем крупнее политический организм, тем, при прочих равных условиях, более выражена и политическая стратификация. Однако в каждом отдельном случае существует некая «точка перенасыщения», при которой ставшая гипертрофированной иерархическая пирамида рушится, подчас увлекая за собой в своем падении и все общество в целом. По образному выражению ученого, в ходе преобразований общества все время происходят изменения высоты и профиля «социального конуса», крутизны его склонов, цельности внутренней структуры. «В любом обществе, — пишет он, — постоянно идет борьба между силами политического выравнивания и силами стратификации... Когда колебания профиля в одном из направлений

становятся слишком сильными и резкими, то противоположные силы разными способами увеличивают свое давление и приводят профиль стратификации к точке равновесия... Вышеуказанными способами политический организм возвращается в состояние равновесия тогда, когда форма конуса либо гипертрофированно плоская, либо сильно возвышенная».

Однако, спросите вы, чем же определяется нормальное для общества «состояние равновесия»? По мнению Питирима Сорокина, оно диктуется численностью населения, вовлеченного в жизнь общества. «Увеличение размеров политической организации увеличивает стратификацию прежде всего потому, что более многочисленное население диктует необходимость создания более развитого и крупного аппарата. Увеличение руководящего персонала приводит к его иерархизации и стратификации, иначе десять тысяч равноправных официальных лиц, скажем, безо всякой субординации дезинтегрировали бы любое общество и сделали бы невозможным функционирование политической организации. Увеличение и стратификация государственного аппарата способствует отделению руководящего персонала от населения, возможности его эксплуатации, плохому обращению, злоупотреблениям и т. д. — это было, есть и будет фактором колебаний стратификации. Во-вторых, увеличение размера политической организации приводит к увеличению политической стратификации, так как большее количество членов различается между собой по своим внутренним способностям и приобретенным талантам».

Помимо политической стратификации в каждом современном обществе резко выражены экономическая стратификация (деление на бедных и богатых) и профессиональная стратификация, связанная с существованием более и менее престижных профессий. При всем при этом именно политическая стратификация определяет лицо общества, и она же подвержена наиболее кардинальным изменениям в периоды социальной нестабильности. Вот что говорит по этому поводу Питирим Сорокин: «По сравнению с экономическим профилем изменения абриса политической стратификации кажутся менее сглаженными и более конвульсивными. Серьезная общественно-политическая реформа (...изменение избирательных прав, введение новой конституции) слегка изменяет экономическую стратификацию, но часто приводит к серьезному изменению политической

стратификации. В случае катастрофы или крупного переворота происходят радикальные и непривычные профили. Общество в первый период великой революции часто напоминает форму плоской трапеции, без верхних эшелонов, без признания авторитетов и их иерархии. Все пытаются командовать и никто не хочет подчиняться. Спустя короткий промежуток времени появляется авторитет, вскоре устанавливается старая или новая иерархия групп и, наконец, порушенная политическая пирамида восстанавливается снова».

Изучение динамики колебаний политической стратификации разных обществ в ходе истории человечества позволило Питириму Сорокину прийти к пессимистическому заключению, что людям трудно ожидать закономерного развития общества от одних устойчивых форм к другим. Хотя, по его словам, в последнее время на всех континентах наблюдается явная волна перехода от деспотического к демократическому устройству обществ, было бы наивной иллюзией считать, что движение вспять невозможно. Напоминая о длительном господстве тоталитарных деспотических режимов, Питирим Сорокин констатирует: «Не существует постоянной тенденции перехода от монархии к республике, от самодержавия к демократии, от правления меньшинства к правлению большинства, от отсутствия правительственного вмешательства в жизнь общества ко всестороннему государственному контролю. Нет также и обратных тенденций».

Уже сам факт господства многоступенчатой, разветвленной иерархии во всех сферах массового общества (экономической, политической и профессиональной) с очевидностью подсказывает нам, что социальная гармония — состояние весьма трудно достижимое и крайне неустойчивое. В этом прекрасно отдавали себе отчет многие великие мыслители прошлого. Английский философ Томас Гоббс еще в XVII веке писал, что естественное состояние общества — это «война всех против всех». Ибо равенство людей от природы порождает у них и равные надежды на жизненный успех. «Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами». Ту же идею немецкий мыслитель Иммануил Кант сформулировал в конце XVIII века несколько по-иному. По его мнению, человек «...обязательно злоупотребляет своей свободой в отношении своих ближних; и хотя он как разумное

существо желает иметь закон, который определил бы границы свободы для всех, но его корыстолюбивая животная склонность побуждает его, где ему нужно, делать для самого себя исключение». Поэтому, считает Кант, «средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это антагонизм их в обществе, поскольку он, в конце концов, становится причиной законосообразного порядка».

Эти идеи в дальнейшем были развиты целым рядом социологов и политологов и послужили основой новой ветви обществоведения — конфликтологии. Обобщая все сделанное учеными в этой области, А.Г. Здравомыслов резюмирует: «Не надо вводить людей в заблуждение с помощью мифа о всеобщей гармонии интересов... Конфликт — неизбежный результат всякой системы управления, любой иерархически организованной системы. Идеал полного социального равенства — несомненная утопия, вредное заблуждение, которое приводит лишь к разрушению эффективности всякой совместной деятельности...» Более того, по мнению автора, «суть любого политического режима заключается именно в том, что он определяет формы политического конфликта в борьбе за властные полномочия».

Понятно, что чем больше людей вовлечено в социальный процесс, тем чаще возникают конфликты на бытовой, национальной, религиозной почве. В современном индустриальном обществе индивид становится, по существу, вездесущим в силу неслыханного прогресса техники связи и властного вторжения средств массовой информации в повседневное существование всех и каждого. Под воздействием пропаганды конфликтующих политических лидеров огромные контингенты людей, превращенные в «публику» экспансией радио и телевидения, волей-неволей превращаются в участников непрерывающейся борьбы между политическими партиями. Перипетии этой борьбы становятся для многих источником постоянного социального напряжения, ощущения нестойкости существования, вспышек коллективной истерии.

Среди философов существует давняя и непреходящая традиция подвергать анафеме эти и многие другие пагубные издержки массового технократического общества, которые в действительности нельзя расценивать иначе, как непременные и неустранимые его атрибуты. К числу скрытых пороков нашей реальности подчас относят и стоящую перед

каждым необходимость возлагать на самого себя всю меру ответственности за свою судьбу. Дело преподносят так, будто индивид, освободившийся в новое время от авторитета церкви, расовых и сословных перегородок, тяготится своей свободой «социального атома» и, часто не отдавая себе в этом отчета, стремится избавиться от нее. Такова, в частности, идея книги американского философа Э. Фромма «Бегство от свободы». Человек, пишет он, «...стал свободен от внешних оков, мешающих поступать в соответствии с собственными мыслями и желаниями. Он мог бы свободно действовать по своей воле, если бы знал, чего он хочет, что думает и чувствует. Но он этого не знает; он приспособливается к анонимной власти и усваивает такое «я», которое не составляет его сущности... Вопреки видимости оптимизма и инициативы современный человек подавлен глубоким чувством бессилия, поэтому он пассивно, как парализованный, встречает надвигающиеся катастрофы». Основываясь на этой посылке, которая, я убежден, чрезмерно драматизирует истинное положение вещей, Э. Фромм продолжает: «Одиночество, страх и потерянности остаются; люди не могут терпеть их вечно. Они не могут без конца владеть бременем "свободы от"; если они не в состоянии перейти от свободы негативной к свободе позитивной, они стараются избавиться от свободы вообще. Главные пути, по которым происходит бегство от свободы, — это подчинение вождю, как в фашистских странах, и вынужденный конформизм, преобладающий в нашей демократии».

Думается, что для нарисованной здесь картины автор не пожалел черной краски. Перед нами типичный образчик так называемого алармистского стиля оценки происходящего, который вносит свою лепту в копилку нагнетания социальной напряженности в обществе. Человек никогда не испытывал состояния ничем не омраченного комфорта: в архаических обществах люди живут под постоянным страхом голода, враждебных духов и «чужаков», в массовом обществе они опасаются преступности и безработицы. Впрочем, справедливо и то, что в сознании людей не умирает надежда на появление сильного и мудрого правителя, который установит наконец «разумный» порядок, искоренит преступность, сделает всех богатыми и счастливыми. Неискоренимая вера в возможность такого прихода мессии только на протяжении XX века ввергала многие

народы в бесконечные беды и страдания. Эпопея построения коммунизма в России дает внушительный пример подобного хода событий.

На протяжении человеческой истории мало кто из выдающихся мыслителей не предлагал своего проекта создания гармоничного и «справедливого» общества. Сегодня философы ограничиваются тем, что вскрывают реальные и надуманные пороки современного общественного устройства. На эти темы были и еще будут исписаны тысячи страниц. Однако, я думаю, трудно сказать что-нибудь более дельное на эту тему по сравнению со словами Иммануила Канта: «Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо: и она хочет раздора. Он желает жить беспечно и весело, а природа желает, чтобы он вышел из состояния нерадивости и бездеятельного довольства и окунулся с головой в работу, испытал трудности, чтобы найти средства разумного избавления от этих трудностей».

* * *

Выше я старался провести мысль, что в основе каждого из многочисленных вариантов социальности человека лежит в конечном итоге сплав бытующих в данном обществе представлений о мире, трудового опыта и вековых традиций, передаваемых от поколения к поколению. Все это вместе взятое создает культуру — нечто такое, что отсутствует в сколько-нибудь развитой форме даже у наших ближайших родичей в животном мире, у человекообразных обезьян. Необозримый спектр культур — от самых архаических до сугубо технократических, где уже немыслимо существование без телевизора и компьютера, обязан бесконечному разнообразию сочетаний свободы полета человеческой мысли, с одной стороны, с ее способностью на века застыть в форме самых причудливых верований и абсурдных заблуждений — с другой.

